

У НАС В ГОСТЯХ
ПИСАТЕЛИ БЕЛАРУСИ

*Микола
Метлицкий*

УРОК АНАТОЛЯ ВЕЛЮГИНА

– Читайте Купалу! Теснее садитесь – и вслух.
Так мало-помалу
 поймете, кто глух, кто не глух.
Где стих золоченый, где образ случаен, как дым, –
Твердил, огорченный
 корявостью строк, молодым
Наставник...
 Не строго
 он хлопнул меня по плечу...
Читаю Пророка,
 волшебные строфы шепчу.
И музыка слова едина с дыханьем строки,
И чудится – снова
 и дух, и строка высоки.
– Садитесь теснее... Читайте Купалу... Сейчас...
Мир станет яснее...
 Пронзительней... И без прикрас.
Там отчее слово тобою болеет в тиши.
И Родина снова
 во всех закоулках души.
Пронесятся шквалы, светлеет речной окоём.
Мне молвит Купала,
 куда и зачем мы идем.
И, мучась от жажды, я чую живительность строк:
– Дойдешь ты однажды,
 коль ты – настоящий ходок.
Тут важно не трусить,
 не принять за золото – медь.
Твоей Беларуси по миру греметь и греметь.
Прочнее металла
 народ наш.
Ты слышишь шаги?

...Читаю Купалу...

И молвит Купала: «Не лги!

Пусть слабый забудет и дом, и родимую речь –

От нас не убудет:

мы вместе, нам слово беречь!

По вечной дороге,

где сходятся наши пути,

Навстречу тревоге,

навстречу Отчизне идти...»

* * *

Нет, я сады сажил – не вырубал

Во имя непотребных интересов.

Но и себя, себя виню за шквал

Тех издевательств, что велись над лесом.

Ведь я смолчал, зеленочубый бор,

Не вышиб у насильника топор.

Я не сушил болот...

И черный смог

Не мною пущен над горящей пущей.

Но я себя виню – не уберег

Птушиных гнезд от извергов грядущих.

Не слышал я, уйдя в напрасный стих,

Как нелюди раскидывали их.

И русла рек с землей ровнял не я –

Нашлись, кто это делал вдохновенно.

Но есть ведь, есть и в том вина моя –

Тлен не заметил в мыслях о нетленном.

Без слез теперь и вспомнить не могу,

Как восседал тогда на берегу.

И не моя рука в тот час ночной

На пульте грозной станции лежала.

Но как же мне не мучиться виной,

Что колет в сердце поострей кинжала?

Ведь повторял и я: «О, мирный атом,

Трудись во благо, но не стань солдатом!..»

До склона лет, у бездны на краю,

Мне неизбежной мучиться виною:

Судьбу народа – и судьбу свою –

Я вверил тем, кому здесь все чужое.

И потому себя, бредя по краю,

В своем доме бездомным ощущаю.

* * *

То был какой-то странный сон.
Мне снился замок Каркасон,
Гремели славой Транклавеллы.
И с крепостных замшелых стен
Тела, – а в них торчали стрелы, –
Сползали, обращаясь в тлен.

И в замке том, чужом, далеко,
В горах, что не достанешь оком,
И я бродил среди небес...
Моей измученной Отчизны
Где замки?.. Только с укоризной
Всё смотрит на руины лес.

На мир разбойный, очумелый,
Глядели с выси Транклавеллы,
И виделись с вершины им
Чужих эпох чужие сечи,
Орудий грохот, жар картечи –
Мой век, одетый в горький дым.

В бойницу выглянув из замка,
Старейший в том роду прошамкал:
– Смотри, какой там смрадный чад!
Похоже, пекло там бушует,
И кровь течет... И смерть ликует...
А горы – вот они, стоят.

А я, цепляясь за отроги,
По небу брел, как по дороге,
За горизонт, где даль черна.
На горький дым своей Отчизны,
Где те руины помнят тризны
И гордых предков письмена.

ЖЕРНОВА

Забрел на старосветское гумно
И будто окунулся в час пещерный.
Там жернова, забытые давно,
Лежали среди мусора и скверны.

Который год их каменную плоть
Ни чья рука не греет терпеливо.
И в августе им нечего молоть,
Какой бы хлеб ни уродила нива...

И только время капает с лотка
На верховик, навек одетый в холод.
Но век ушедший, будто сонный волот*,
Внезапно крикнул...
Памяти мука
Вдруг заструилась... И тотчас предстало
В воображенье прошлое опять...

И я сказал камням: «Вам лет немало,
Но и без дела нечего лежать.
Перемелите лучше на муку
Все горе, что случилось на веку,
Чтоб очищенье светлое настало».

* Волот (бел.) – богатырь.

ПОГРЕБ

Душное лето дыхание плавило,
Вниз по ступенькам шагало, светлое.
Бабушка, верная вечным правилам,
Погреб меня позвала проветривать.

Как я бежал с огорода... Как же я
Счастью навстречу ладони выставил!
Не говорил, что ступенька каждая,
В погреб ведущая, страхом выстлана.

Весь в паутине, во мраке, в плесени,
Погреб казался мне черной нишею.
Вот уже бочки наверх вознесены,
Лезут на солнце их лики рыжие.

Цербер, что света не видел белого,
От холодрыги-воды в сумятице.
Миска, на солнышке разомлелая,
Встав на ребро, удирает-катится.

Вымытый погреб, где воздух с привкусом
Всех разносолов, на зиму спрятанных,
Где ни страшилищ, ни бед... Лишь искусы –
Только ступень запоем под пятками.

Только вздохнешь – огурцы соленые
Так ароматны – слышать на улице.
...В сторону сдвинув вершки зеленые,
Черпает батька рассол... И жмурится...

* * *

Отрезы, платья, рюши, выточки –
Сундук, что временем пропах.
Их бабушка порою вытащит –
О, сколько юности в очах!

Лицо, морщинами изрытое,
Разгладится... Забыто зло.
Людьми забыта... Мужем битая...
Душа, как белое крыло.

Вот так заря, давно не летняя,
Восходит из-под серых плит.
Дорога смертная, последняя,
Уже нисколько не страшит...

Весь день приданое разглядывать,
Мурлыча простенький мотив,
А после вновь в сундук укладывать,
Махру от моли не забыв.

А там закат в оконце шлепнется –
Опять – стара, опять – одна.
День отчадит... Сундук захлопнется.
А память –
Вот она, без дна...

* * *

Порыжел огуречник давно,
Притаились туманы за ветлами.
Солнце рано зайдет... И темно.
Поле голое. Холодно. Ветрено.

Черный грач, будто черный монах,
Ковыляет межой перепаханной.
День болотом и рыбой пропах,
И ужи выползают на запахи.

Приросло к перелеску сельцо,
Тишину нарушая убогую.
И качается-едет сенцо
На возах полевою дорогою.

Бор в осенней дремоте затих,
Серым совам безмолвие нравится...
И от этих видений родных
Мне уже никогда не избавиться.

ФЛЮР

Очей-черничин остренький прищур,
Чуть смуглое лицо и чуб смоляной.
Я позову его, как в детстве: – Флюр!
И он придет с Даниловой поляны.

Мы в Бабчине с ним лазили в сады,
Ходили в лес – с потёмок до потёмок.
Товарищ мой – татарской той орды
На все село единственный потомок.

Отец его весь день на буровой,
А с ним и мать... В дому лишь пара кошек.
У пацанов соблазн известный, свой –
Пошли грибы, набрать бы полный кошик!

Любители ребячьих авантюр,
Мы свой «улов» сбывали для закуски.
И говорил мой друг-приятель Флюр
С другими – и со мной – по-белорусски.

Родимых слов немаленький процент
Обогатил его запас словарный.
Ну а акцент... Конечно, был акцент...
Смешной и легкий... Вовсе не вульгарный.

Хватал тетрадки. Думал про свое
И спрашивал с загадочным прищуром:
«Скажи по правде... Это... Двойки ё?...»
Ну что таким ответишь балагурам?

Прошли года... Немало горьких бурь
Мы видели...

Сердца – и те не в ритме...
Приди, дружище, черноокий Флюр,
Как хочется с тобой поговорить мне!

Опять скажу неправду: «Двойки ё!..» –
Не всем по нраву отчей мовы чары.
И вновь, и вновь талдычат про свое
Иных времен «монголы и татары».

Как бы желали «мове» новых бурь
Родных краев забывшиеся дети!
Ты овладел за месяц ею, Флюр.
А что они? За жизнь не овладеть им!

Летят года... Все уже братский круг.
 Для многих «мова» – только вид нагрузки.
 Приди из детства, мой татарский друг,
 Поговори со мной по-белоруски.

* * *

Жизнь – Божий дар? Одумайся! А чей
 Тогда указ отнять ее, друг милый?
 Трагедия на жертв и палачей
 В который раз Отчизну разделила.

Что человек? Лишь точка, тире
 В писаниях чернобыльского ветра,
 От вспышки искра в атомной игре...
 И, как ведется, жертва, жертва, жертва...

И что поделать – плачь или не плачь?
 Зброшены дома, напрасны речи...
 Как страшно вопрошать, кто твой палач,
 В ответ услышав – гений человеческий!

Перевел с белорусского Анатолий Аврутин

*Юлия
 Алейченко*

* * *

Спеет брусника в лесу чарующем,
 Где лесовик ходит травушкой-шёлком.
 А я становлюсь
 эхом песни печальным,
 Запахом мха я делаюсь горьким.

Листою твои обнимаю плечи,
 К рукам припадаю
 всей кожей-корою...
 Пью без конца дурманящий вечер
 Тихую предзакатной порою.

Не отпущу. Запутая тропки.
 Завлеку, блеснув чешуёй русалки.
 Пускай догорает роса на взгорке.
 Усталый ветер дышит жарко...

* * *

Кто-то свыше нам решил послать
 Дар небес на голые просторы:
 Вольный ветер начал выдувать
 Белые снега из тучи черной.

Землю снег укутал пеленой,
Лечит раны на вселенском теле.
Снег идет, и на душе тепло
В холод неожиданных метелей.

Слушайте же, как поют снега!
Душам дайте пить святую силу!
Снег летит на речек берега,
На погоста старые могилы.

На шоссе и у домов лежит. ..
Так летит он и летит веками!
Вы же этой белизны души
Не касайтесь грубыми руками.

ПРОСТИ!

Солнце в ладонях. Идти
Вслед за лучом его к полдню...
Мама, ошибки прости,
Где заблудилась – не помню.

Где-то в купальских лесах
Разом мечты погубила.
Слепо в дурманных слезах
Юности грезы топила.

Как сон-трава повела
Тропкой крутой и опасной.
Душу сжигала дотла
В схватке с обманом напрасной.

Солнце, свой свет возврати,
Чтоб я совсем не пропала.
Боже, грехи мне прости!
Мама прощала...

* * *

В бокале у тебя плывет туман,
В бокале у меня плывет сиянье.
Ты будешь господином, добрый пан,
Ты будешь мне рабом,
на вечер данным.

Я буду знойным ветром и водой,
Я буду блеском молнии предвестной.

Печальным счастьем и лихой бедой,
Последним звуком лебединой песни.

В глазах твоих заблещет новый день –
Небесных зорь, надежды-упованья...
На белую постель ложится тень
Тревог и плена, жажды... и слиянья.

МЫ ОДОЛЕЕМ

Я прошу: помолчи немного,
Руку сжав мне – до боли чтоб...
Мы все отлетаем к Богу,
Поцелуям подставив лоб.

Мы сгораем, чтоб возродиться
От взгляда горячих очей.
Ненавидим недобрые лица
Одиноких бессонных ночей.

Не хотим, чтобы кровь проливали,
Чтоб сужался от горя простор.
Чтоб свободу и веру попрали,
Подарив принуждений позор.

Я прошу: помолчи немного,
Подари мне частицу души.
Отлетим мы с тобою к Богу,
Не пригубив отраву лжи.

* * *

*«Я хочу только спросить у вас: в будущей
жизни вы хотите остаться вместе или
отдаете предпочтение тому, чтобы
уже не встретиться?»*

М.Кундера «Бессмертие»

...И если спросит высший Судия,
Останемся ли в новой жизни вместе,
К воротам Рая не допущенная я,
Шепну: лишь только ты воскресни.

Запомни хорошо мою улыбку,
Не предавай воспоминаний быль.
И отзвук слов моих запомни зыбкий,
Что слышал брат ветров – ковыль.

Дай возродиться мне
 в твоём бессмертии,
 Я поселюсь в твоих счастливых снах,
 Не потану я в быстротечной Лете,
 Останусь искрою в твоих глазах...

ЗАЧЕМ БОЯТЬСЯ СМЕРТИ?

Немату Келимбетову

А у птиц есть крылья,
 синие просторы...
 Но и в страшной хвори
 с верою – не горе.
 Руки друга вырвут
 зла занозу в сердце.
 Душа не прервется.
 Что бояться смерти?

У пыльной дороги
 сад воды не просит.
 Семь раз упадешь ты,
 поднимешься – восемь.
 Заповеди жизни испокон не хитры:
 Сердце – для любимой.
 для небес – молитвы.

Возродишься в сыне.
 И вернешься - в песне.
 Лозою зеленой виться порой вешней.
 Что бояться смерти?
 Слово не прервется.
 Сказанное сердцем -
 в сердцах остается.

* * *

Когда становятся необычно синими
 (багровыми, зелеными?)

Твои занавески,
 Когда становятся зловеще-серыми
 (землистыми, болотными?)
 твои глаза,
 Я знаю, что это – печальный знак
 расставания, исхода
 к новой жизни.

Я знаю, что это – добрый знак
 ждать и верить в новую весну,
 Когда увижу в сквере
 (на автобусной остановке?)
 Тебя долговязого, веселого, нервного
 (со щетиной, в очках?).

Ибо знаю, что все,
 кого мне судьба дарует
 в обличьях разных – Ты.

* * *

Обычная пара. Я с дитём.
 А оно так видит наше житьё,
 Будто с неба еще глядит.
 У меня потерянный вид:
 Я боюсь его обмануть,
 Не так на него взглянуть,
 Дать конфету не той рукой,
 Я тушуюсь, теряю покой
 Перед ангелом всякий раз...

* * *

Сердце давно роздано:
 кому – любовь, кому – ненависть,
 кому – отпущенье-прощение,
 кому – горячие слезы вины.

Так что же тогда
 фантомной пульсирует болью,
 изнутри ломая мне ребра,
 на вольную волю просится?

Наверно, моя надежда,
 безрассудная птица счастья,
 песни которой услышишь –
 их не замуровать...

* * *

Каждый вечер я отрываю
 страницу своего календаря
 И слышу, как новый день
 звонко стучит в стекло.
 Как новые дела чередой толкуются
 На коврике перед моими дверьми.

Когда расстилаю постель,
они назойливыми осами
гудят в моих ушах.
И даже в сны приходят видением
мечтаний-надежд.
Так может остаться в минувшем дне?
Пусть светят вчерашние звезды.
Пусть перина будет ласковой.
А я – счастливой за гранью времен.

ЗАГОВОР

От последней замети
До весенней слякоти
Доживать и кланяться
Зорьке всех слепых.

Отдавать, так сторицей,
Все потом воротится,
Что заране копиться
В торбу лучших дней.

И кидать во полымя
Все тревоги новые,
Холода кленовые,
Поленья потерь.

Не сдаваться горести,
Плыть листвою вольности
В синь-реку небес.

*Перевела с белорусского
Любовь Шашкова*

*Теннадий
Авласенко*

ПЕСНЯ

– Я море! –
Сказало море,
Сердито волной плеснуло.
– Я солнце! –
Сказало солнце
И первым лучом блеснуло.

– Я утро! –
Сказало утро. –
Я вас от сна отрываю!
– Я песня! –
Сказала песня. –
Я новый день открываю!

Я верю, что это было
(Пусть даже так не бывает),

И песня над миром билась,
Горячая и живая.
И море, тревожно пенясь,
Ей что-то в такт подпевало...
И песня над миром пелась
И новый день открывала!

ПОДСНЕЖНИКИ

Застыли осины
В пустом полумраке,
Подснежники синие
Стынут в овраге.
Их солнце весеннее
Над лесом рассеяло,
А небо из синего
Сделалось серое...

И падает снег,
И засыпало снегом
Подснежники,
рано упавшие с неба.

* * *

Не заживают раны у Земли...
Давным-давно окопы заросли,
Поднялся лес,
на радость птичьих стай,
Пробила ржа забытой каски сталь,
На дне землянки выросла трава...
А боль, она по-прежнему жива!
Боль притаилась в глубине Земли –
В той mine, что сапёры не нашли.

* * *

И всё-таки надо,
Пусть только однажды,
Достигнув вершины, догнав горизонт,
Споткнуться... и, падая,
Клеточкой каждой
Почувствовать
пропасти гибельный зов.
И, силы теряя, в ущелье срываться,
Кровавыми пальцами камни крошить...
И вдруг, умирая, в живых оставаться,
У самого края в живых оставаться...
Присесть, помолчать,
закурить, рассмеяться
И думать:
«Как всё-таки здорово жить!»

* * *

На затылок сдвинута кепчонка,
Сигарета губы обожгла...
Самая красивая девчонка
Снова на свиданье не пришла.
Но, шагами меряя минуты,
Парень не уходит почему-то...

– Я уйду, а вдруг придёт она?
...Он влюблён.
Она не влюблена.

Он об этом знает.
Всё равно
Будет ждать до самого рассвета...
И в кармане мнутя два билета
На уже прошедшее кино.

* * *

– Так ты придёшь?
– Подумаю.
Холодным ветром дуло
от слов издалека...
– Так ты придёшь?!
– Пока!
И всё...
Обидой горькою
дыхание светло.
Нет сил казаться гордою...
– Так ты придёшь?! Алло!
Лишь трубка безучастная
в безволии руки...
Гудки...
Такие частые
короткие гудки...

* * *

Голубые надежды потухших костров...
В вашей дымке мне
чудится топот набега,
И осенний туман,
ослепительно-белый,
И осенний закат, будто алая кровь...
И тугие упругие взмахи мечей
На раскрашенных кровью
зелёных просторах!
В вашей дымке мне чудятся
хриплые стоны
Умирающих воинов-дреговичей,
И осенний закат, будто алая кровь,
И тревога в душе
изнуряющим грузом...
Отчего мне так больно,
так странно, так грустно?
Далеко-далеко,
на холмах белорусских
Голубые надежды потухших костров...

* * *

Бывает так: ты упадёшь в траву
И вдруг услышишь, как растёт трава...
И вдруг услышишь, как живут слова...
Там, в глубине души твоей живут!

И вздрогнешь, от волнения чуть дыша,
И, осознав, сколь часто мы глухи,
Ты вдруг поймёшь:

в словах живёт... *душа!*

И лишь тогда получатся стихи!

БЕРЁЗКА

Примеряя первое зелёное,
На тугой подкладке пальтецо,
Смотрит вниз берёзка изумлённая,
В синее лесное озеро.
А оттуда, ветром опалённая,
Отрясая рыжие бока,
Смотрит вверх берёзка изумлённая
На себя, зелёную пока...

КОЛЕЧКО

Ничего не скажешь,
Ни о чём не спросишь.
Два колечка свяжешь,
В чёрный омут бросишь.
Зазвенят колечки,
Встретившись с водою.
Заболит сердечки,
Встретившись с бедою.
Та беда не вечна -
Время быстро мчится...
Только двум колечкам
Век не разлучиться...

ОСЕННЕЕ

Где-то за туманом скрылась осень:
Ветер за собой её уносит.
Отрываясь листьями от веток,
Птицы улетают вслед за ветром.

Не кричи им вслед...
Разлуки птицы...
Улетают, позабыв проститься.
Пожелай им счастья и удачи,
И не плачь...
Об осени не плачут...

* * *

Мир отношений...
Мир ощущений...
Мир удивительных превращений...
Солнечный луч превращается в травы,
Пятна на карте –
в дальние страны...
Как это странно!
Прошлое,
будущее связуя,
Так же над миром дымится Везувий
Старого Рима,
Нового Рима...
Всё повторимо!
Вечность спрессована
с краткостью мига,
Капля росы – с необъятностью мира,
Ветка сирени – с громом тротила...
Всё превратимо!

РЯБИНЫ

Рябины, шальные рябины
Зажглись над рекою...
Любила... потом разлюбила...
Бывает такое!
Бывает, что люди находят
Не то, что искали.
Бывает, что счастье уходит,
Стуча каблукками.
Порывы холодного ветра
Качают рябины,
И бродит всю ночь до рассвета
Уже нелюбимый!
И смотрит в полоску рассвета
Сухими глазами,
И стынет его сигарета
Огнями-слезами...

Любимый... уже нелюбимый...
 А боль не стихает!
 Рябины, шальные рябины
 Огнём полыхают!

* * *

Твоей руки прощальное тепло
 С моей рукой на миг соприкоснулось.
 И ты уже назад не обернулась.
 И ты ушла...
 И прошлое ушло...

Седая вьюга весело и зло
 Твои следы снегами завевала...
 А на моей ладони остывало
 Твоей руки прощальное тепло.

НА ОЗЕРЕ

Сквозь леса камышинок,
 сквозь золото жёлтых кувшинок
 по стоячей воде,
 где вокруг на версту ни души,
 наша лодка, бесшумно скользя,

всё спешила, спешила,
 всё куда-то спешила...
 А мы...
 А куда нам спешить?
 Мы молчали.
 А солнце вставало
 и с утренним блеском
 светлой рябью сбегало,
 скользило по краю волны...
 Мы молчали.
 Мы словно боялись
 хоть словом, хоть всплеском,
 хоть движеньем
 нарушить прозрачную синь тишины.
 Мы молчали.
 А лодка скользила,
 туман разбивая,
 и о чём-то так тихо
 шептался камыш за бортом...
 Мы молчали...
 Молчали,
 на миг в этот миг забывая,
 кто мы,
 где мы,
 куда мы
 и что с нами будет потом.

